

Татьяна Соколова

Белые бурки

Рассказы

Татьяна Ивановна Соколова

Белые бурки. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21993562

ISBN 9785448334405

Аннотация

Действие происходит от 60-х годов до наших дней. Катя родила дочь. Петька чувствовал себя самым счастливым человеком. Таня была сильно похожа на отца. В музыкальной школе она сдружилась с Сашкой. Отец был против их дружбы, и Сашка это чувствовал. Таня поступает в медицинский институт, где знакомится с Олегом. Отец добился разлуки с Сашкой, считая его неровней для его дочери. Сашка женится, но рано умирает. Олег оказался бездарным врачом. После неудачных вторых родов Таня становится инвалидом.

Содержание

Белые бурки	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Белые бурки
Рассказы
Татьяна Ивановна
Соколова

© Татьяна Ивановна Соколова, 2016

ISBN 978-5-4483-3440-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Белые бурки

Потом Пётр Васильевич будет удивляться, – как могло случиться, что он тогда сам себя не понял? Не понял того, что теперь представляется ему таким простым и ясным, и что явилось началом его собственного как бы самопрозрения. Это теперь ему все ясно, а тогда...

Давно забытые картины далёкого детства так внезапно, ни с того, ни с сего объявились перед ним, как живые и самые дорогие воспоминания. Это очень удивило его. Но воспоминания с чувством щемяще-сладостного обмирания сердца появлялись все чаще, становились все дороже, после чего нападала хандра, и он подолгу ходил в раздумчивой меланхолии, как бы поэтической, совсем не понятной и тревожной растерянности. А это напугало его. «Какая растерянность! Какая еще меланхолия поэтическая! Ему, технарю, сугубому производственнику, сутками пропадававшему на дежурствах, – ему что? – делать нечего»?

Первое, что сызмальства запомнилось ему на всю жизнь, потом напрочь забылось и никогда не вспоминалось, а теперь – на вот тебе! – нежданно-негаданно: – Паровоз! – Тот самый. До сих пор пышет паром и жаром, огненный, весь в мазуте, чёрный. Однажды, когда поезд остановился, Петька подошёл к нему близко и не удержался – дотронулся – и тут же отдернул руку – обжёгся! Пучки пальцев и сейчас

вспомнили, почувствовали на самых кончиках «ту» боль, а в ушах Петра Васильевича возник «тот» гул и грохот, и он «увидел» воочию, как на всех парах лязгая мимо них, застывших с открытыми ртами в немом восторге, – во все лопатки несётся поезд через железнодорожный их полустанок детства. Никто из пацанов тогда еще не умел читать – и так все знали, что написано «на лбу» паровоза – Иосиф Сталин – было имя его... Теперь Петру Васильевичу понятно: любовь к поездкам была в крови у них, станционных ребят. Едва заслышав гул приближающегося состава, не сговариваясь, они забывали про все свои игры и пулей неслись, летели сломя головы к железнодорожным путям. И вот уже стоят, глазевят, как грохоча, проносится мимо них состав, обдавая всех тёплым ветром движения, острым запахом мазута, разгорячённого железа и сгоревшего угля... Затаив дыхание, почти оглохнув от грохота и лязга, – до сих пор стоят пацаны – перед внутренним взором Петра Васильевича. Те же самые, не подросли, не выросли, – стоят, лохматые, давно не стриженные, загорелые, с выгоревшими на солнце белесыми бровями и ресницами. Поезд прогрохотал, умчался уже, сколько лет тому, а они все стоят перед ним как на старой фотографии. Конечно, фотографии этой никогда не было – ну кто в их посёлке стал бы тогда снимать их! Снимок этот существует только в памяти Петра Васильевича. Ну, может, еще и в памяти кого-нибудь из тех пацанов, сверстников его...

Но все это, летом, на улице. Смотри, сколько хочешь –

никогда не надоест смотреть. А вот зимой не полюбишься. Петька хорошо помнит, как зимою, особенно тогдашними суровыми зимами, такими снежными и морозными – как завоюет, завьюжит, как понесёт! Неделями метёт и метёт, снегу навалит, занесёт так, на улицу носу не высунешь без валенок, в худой одежонке. Морозы тогда стояли трескучие. Мать на работе в депо весь день, от темна до темна. Хата не топлена. Хотя трубу на вьюшку всегда закрывали вовремя, а все равно холодно. Петька весь день в хате, отрезанный от поездов и от всего мира. Две сестрёнки его младшие притихнут в углу, заиграются в свои куклы. А он сидит у окна, намёрзшего льдом со снегом. Мороз разрисует стекла так, что сквозь них ничего не видно – даже щёлочки маленькой не оставит – хоть одним глазком взглянуть, что там на белом свете делается? И Петька сидит, слушает музыку проходящих поездов. Ему очень нравилось слушать, как где-то сначала возникает далёкий гул, слабый еще, и нарастает, приближается все громче, громче. И вот уже мимо окон их, проносится, грохочет. Земля гудит, и дрожит все в хате: пол, и стены, и стол, и все, что на столе. И со следующим поездом повторяется все снова. Еще в детстве Петька научился безошибочно узнавать «по голосу», что за поезд приближается и промчится мимо – пассажирский, споро стуча колёсами, или тяжёлый трудяга-состав – длинный, верхом нагруженный до последней нормы, будет тянуться и тянуться, громахая тяжело, натужно.

Однажды Петька не выдержал. Целый день сиди и слушай, а в окно ничего не видно. Соскоблил со стекла намёрзший лёд и прилип к окну. Но увидел только проходившего мимо человека в белых бурках – это был начальник станции.

«Когда вырасту, тоже буду работать на железной дороге и куплю себе и мамке такие же бурки», – подумал Петька.

После окончания школы поехал поступать в железнодорожный техникум. Адрес ему дала тетя Нюра, соседка, работавшая проводником вагона на пассажирском поезде. – «Городок небольшой, под Воронежем, дадут общежитие, а станешь хорошо учиться, будешь получать стипендию» – напутствовала тётя Нюра.

Провожали Петьку на станции мама и сестры. Девчонки завидовали, что брат едет на настоящем поезде в другой город. Поезд приближался с оглушительным грохотом. У Петьки был шестой вагон, а перед ними остановился десятый. Они бегом помчались к шестому, ведь поезд стоит всего две минуты. Петька легко прыгнул в вагон, и поезд тронулся.

Мама махала рукой сыну, стоявшему в дверях за проводницей. Когда сестры побежали за вагоном, Петька прикусил губу – чуть не расплакался и тут же устыдился – еще чего! Ему уже шестнадцать. Фактически мать одна растила троих. Ее помощником был Петька. Теперь он уезжает...

Петька с грустью сел на своё место и неотрывно глядел на мелькавшие за окном деревья: теперь он долго не увидит родных мест и мать с сёстрами. Что ждёт его впереди?...

В техникум Петька поступил легко. Повезло с билетом по математике, и диктант показался лёгким. В техникуме нравилось все: преподаватели в железнодорожной форме со звёздочками и ребята в общежитии. Правда, в комнате прохладно, но зато был душ с горячей водой – в любое время. Харчились все вместе. Ребята – из ближних сел и привозили картошку, яйца, сало, огурцы солёные, а Иван – даже мочёные яблоки. Петька тоже ходил к поезду, когда проезжала тётя Ньюра. Она передавала ему банки с вареньем от матери, а иногда и картошку. Денег не передавала, их у матери не было – двух младших сестрёнок надо было обувать, одевать.

В техникуме часто устраивали концерты, танцы, но Петька не ходил на них, надо было хорошо учиться, чтобы получать стипендию.

Окончив первый курс «на отлично», собрался домой. На полученную «стипуху» купил билет и ситцевый халатик мамке. На оставшиеся деньги – два плавленых сырка в дорогу. Денег на постель не осталось, а ехать более двух суток. В вагоне уступил нижнее место семейной паре, а когда они выходили, то предложили Петьке свою, использованную постель, договорившись с проводником. На станции Ртищево зашла толстая женщина и сразу принялась есть. У неё была большая головка сыра, сало и сдобная булочка. Петька отвернулся, проглотив слюну...

Прошло четыре года. Как у окончившего техникум с красным дипломом у Петьки был выбор при распределении:

остаться на Юго-Восточной или уехать на другую дорогу. Петька остался на ЮВЖД.

Всего три месяца поработал составителем поездов, и его призвали в армию.

После службы вернулся на прежнее место и стал дежурным по станции. О нем говорили – «родился движенцем». За год освоил две должности. Страшновато было начинать дежурным по горке. Когда начинался роспуск, вагоны катились по путям один за другим, как горох. Затем его перевели на должность маневрового диспетчера по формированию поездов. В смену подчинялось ему около двухсот человек.

В подмене его смену пригласили в отделение дороги, это было «сердце» железной дороги, города. Возле отделения росли ели, пихты. В здании все ходили такие важные, из кабинета в кабинет с бумагами в руках. В красном уголке собралось много народу, вручали переходящее Красное знамя за победу в сетевом соревновании за третий квартал. Под потолком висели люстры с хрустальными подвесками, на сцене – трибуна с микрофоном, с эмблемой серпа и молота, разноцветные бархатные занавесы, а на стене, на голубом фоне – портрет Ленина. Стол и стулья обиты зелёным драповым сукном. Пришли не только представители всех железнодорожных предприятий отделения, но и приехали работники с линейных железнодорожных узлов. Называли фамилии лучших работников, и среди них – он, маневровый диспетчер станции – Зимин Пётр Васильевич. Было начальство

из Воронежа, он слышал на планёрках их фамилии, но видел впервые. Работать в таком здании он даже и не мечтал.

Пётр решил поступать в железнодорожный институт на заочное отделение и пошёл в поликлинику проходить медкомиссию. Ему осталось пройти хирурга и терапевта. Неожиданно хирурга вызвали к инвалиду войны в стационар. Петька остался в кабинете с медсестрой, миловидной девушкой с розовыми щеками, вся – точно сбитая, аккуратно одета и причёсана гладко. Время затягивалось, а врача все не было. У Петра в кишках забурчало от слабого завтрака, и это было так слышно в тишине, что он смутился и спросил: «Можно, я завтра приду, а то мне сегодня в ночь, отдохнуть бы»? «А у Вас жалобы на что-то будут? – поинтересовалась медсестра? – Если нет, то оставьте направление и зайдите завтра после работы, спросите меня, Катю».

Катя знала, что нарушает правила прохождения комиссии, но перед ней сидел совершенно здоровый на вид молодой человек, отслуживший в армии, а комиссионников было так много, что для дотошного осмотра просто не хватило бы ни времени, ни врачей.

Работа ночью выдалась тяжёлая, много поездов стояло по неприёму у входных светофоров. На столе – пять телефонных аппаратов, и, если одновременно звонило несколько, он знал на какой ответить срочно. Надо было обмениваться угловым потоком из одного сортировочного парка в другой, за это после смены спросит руководство стан-

ции. Диспетчер отделения дороги кричал о сдаче порожняка до шести утра другим дорогам. Уже забрезжил рассвет, а Пётр даже и не заметил, что ночь прошла.

После отчёта уставший, в десятом часу, Пётр пошёл домой, да вспомнил, что надо зайти в поликлинику, чтобы забрать справку о состоянии здоровья.

Жил он в рабочем общежитии с Серёгой, тот только и знал, что говорил о девчатах, наводил справки об их родителях да о приданном. А Петра интересовали Инструкции по движению поездов, по сигнализации, технико-распорядительные акты станции. В подменах ходил на занятия, на очистку путей от снега.

Однажды Петра и Серёгу вызвали к начальству. Начальник станции сказал, что ко дню железнодорожника будут сдавать дом, «а так как вы – молодые специалисты, вам положено жильё в зависимости от семейного положения». Пётр ответил, что холост, а Серёга поспешил сообщить, что скоро женится.

Председатель профкома, – участник войны, задержав Петра, спросил: «Что, так и будешь всю жизнь в общежитии? Лет, поди, уже не мало. А дома не каждый год сдают»...

Вышел Пётр от него и пошёл на почту звонить маме. Мать, услышала голос сына, перепугалась, – звонил он впервые. Выслушав его, сказала: «Пусть тебя Серёга познакомит с кем-нибудь, он бойкий. А жениться надо, ведь годы уже, и мне спокойней будет. Будет куда и нам с сёстрами приехать»

в гости».

Пётр с улыбкой представил лицо медсестры Кати и вспомнил, что кольца на пальце у неё не было.

Встречались они не долго. Свадьбу сыграли в деревне у родителей Кати. Те зарезали поросёнка, сделали домашнюю колбасу, сварили холодец, напекли пирожков с ливером. Как судачили соседи, свадьба была богатой, приглашённых было много. Родственники Кати дарили деньги. Со стороны жениха гулял один Серёга, он подарил молодым настольную лампу. А сколько любопытных пришло смотреть жениха и невесту...

В деревенском доме все удобства – на улице. Когда Пётр вышел раздетый, сосед дядя Степан сказал ему: – «В хорошие руки попал, не пропадёшь».

Молодые жили с родителями Кати в отведённой для них комнате. Сдача дома для железнодорожников задерживалась.

Когда Пётр приезжал домой после ночного дежурства, кровать была разобрана, взбиты подушки, от них пахло Кате – и медициной. На столе завтрак: свежесваренная молочная каша, на обед всегда борщ или суп с мясом, пирожки или пышки. В доме чисто, уютно.

Отец Кати работал тоже на железной дороге, в депо. Каждый день ездил с рабочим поездом, а мама – в колхозе, фельдшером. Дома из хозяйства держали кур и поросёнка. Молоко покупали у соседки. После ночной смены Петька

спал – пока не выспится. Никто не мешал, не шумел. Встанет, пообедает и идёт во дворе снег расчистить, воды принести. Летом – то огород поливает, то краску обдирает с облупившихся окон, или калитку подкрасит. Приятно хозяйничать в доме, где он живёт с любимой женщиной. И ведь женился не по любви, просто была Катя приятная девушка. Но с каждым днём его все больше тянуло к ней, такой желанной. Он чувствовал, как любит ее, хотя об этом ни разу ей не говорил и понимал, что, Катя отвечает ему взаимностью.

Перед вступлением на дневное дежурство табельщица предупредила: «Зимин, завтра вызывают в отделение дороги к начальнику отдела движения».

Пётр подумал: в прошедшие дежурства, вроде бы, браков особых не было, а мелкие... Если обо всех докладывать руководству, то смена будет самая отстающая в соревновании.

Утром вместе с женой пошли на остановку, чтобы ехать в отделение дороги. Среди людей, ожидающих прибытия поезда, он выделялся: брюки выглажены, ботинки начищены, мохеровый шарф, овчинный чёрный полушубок, который выдали на работе как спецодежду. Когда вышли из поезда, Пётр поцеловал Катю в щеку и зашагал к руководству. Особого волнения не было, но какой-то тревожный холодок внутри присутствовал.

Секретарь сказала ему: «Подождите, Сергей Леонидович на селекторном совещании». – Пока он ждал, люди заходили в кабинет, приносили какие-то бумаги, и Пётр подумал,

что на его работе интересней, там понятно, что формируешь и отправляешь поезда, а здесь – бумаги...

Когда появился начальник отдела движения, он без всяких вводных слов сказал ему: «Послужной список ваш я просмотрел – ну что? Надо дальше двигаться, расти по службе. Мы переводим вас работать в аппарат отделения дороги, сначала стажироваться поездным диспетчером, а затем – видно будет». Это прозвучало как приказ, не было слов «предлагаем», «подумайте». Все как в армии.

Поездным диспетчером Пётр работал недолго, его опять вызвали в отдел к тому же Сергею Леонидовичу, и он сказал: «Переводим работать моим заместителем. Идите, принимайте дела у Шевчука Ивана Ивановича и завтра же приступайте к работе. Да, вспомнил Сергей Леонидович, надо же решать жилищный вопрос. Вам необходимо жить в городе. Придётся задерживаться на работе, приходиться рано утром, иногда дежурить ночью».

И опять не было слов – «предлагаем», «подумайте». Пётр никому не говорил о своих жилищных условиях, но начальник отдела движения знал и об этом.

И Пётр пошёл в двадцать второй кабинет. Получил ключи от квартиры и побежал в поликлинику к Кате.

Их радости не было предела. Квартира была светлая, просторная, две комнаты, кухня, отдельно туалет, ванная и титан для подогрева горячей воды. Квартира временная – сказали Петру Васильевичу, так теперь звали его – до сдачи но-

вого дома. Но Кате так понравилась, что она никакую другую не захотела, до работы ей – пять минут ходьбы. Катя почувствовала, что здесь они будут счастливы.

Деньги, которые им подарили на свадьбе, лежали нетронутые. Пётр Васильевич получал хорошую зарплату, питались молодые вместе с родителями.

Так что на мебель деньги у них были. В магазинах продавали серванты, трельяжи, но выбор был небольшой. Дискетчера, через родственников, помогли достать на межрайонной базе «жилую комнату», куда входило два шкафа для посуды и книг, стол и четыре стула. С Катей они пошли в выходной день на «толпу», – большой вещевого рынок, чтобы купить обои и шторы. Против спекуляции действовали жёсткие законы: в магазинах было пусто, а на «толпе» – все, но в два, три раза дороже. Об этом знали местные власти и милиция. Проходя по рынку, Пётр Васильевич вдруг увидел белые бурки. Сначала прошёл мимо, но потом сказал Кате с улыбкой, как мечтал в детстве иметь такие бурки. Катя посмеялась: сейчас их уже, никто не носит. Но она ни в чём не могла отказать мужу.

В городе построили новую больницу для железнодорожников на триста коек. Кате, как опытной медсестре, было предложено перейти работать в хирургическое отделение. Ей нравилось работать в смену, больше времени можно было уделить мужу. Правда, сам он на работе был по двенадцать, а иногда и больше часов.

Однажды Катя делала перевязку очередному больному. При виде гнойного бинта ее стошнило, и она поняла, что – беременна. Катя отработала ночное дежурство, но спать не легла. Приготовила голубцы, кисель, суп рассольник был в холодильнике. Катя позвонила мужу, попросила его прийти на обед, присела в кресло и задремала. Он иногда ходил на обед домой, иногда – нет, но Катя никогда не лезла с расспросами. Она знала: – ее муж на ответственной работе.

И вдруг впервые она позвонила ему. Пётр пришёл – дверь не заперта, пахнет мясным, жена дремлет в кресле. «Что случилось, Катя?» От неожиданности она вскочила и повисла у него на шее. Он нежно поцеловал ее в щеку. «Соскучился по тебе за ночь» – шепчет ей на ухо. Она в объятиях смотрит на него, улыбаясь загадочно, и шепчет тоже: «А мы теперь работать не будем ночами... нам это вредно» ... – и улыбается еще загадочнее. Он понимает слова ее, как ответную ласку и продолжает жаловаться, как маленький: «Мне, правда, очень, очень без тебя плохо, любимая»...

«А мне без тебя, любимый» ... Так впервые, после нескольких лет супружества они признались в любви, но больше Пётр ничего не понял.

Когда же Катя сообщила ему о беременности, у него стал такой непонимающе-глуповатый вид, будто ему сообщили совершенно невероятное, чего с ними никак не могло произойти, и никогда не должно было случиться. Он так и стоял, сам не свой, растерянно смотрел на неё и молчал, будто

все слова забыл и потерял дар речи. Но осознание сказанного все же стало до него доходить, лицо его оживилось счастливой улыбкой, и стало невозможно красивым. Ее Пётр красивый мужчина – с тайной гордостью про себя всегда считала Катя. Но теперь, прямо на глазах у неё он превратился в красавца писанного.

И ещё она запомнила на всю жизнь, как он бережно, как осторожно обнял ее, – совсем не по-мужски крепко, как всегда обнимал в минуты близости...

Очень осторожно, очень бережно, будто счастливый отец уже берет из рук матери их только что родившегося младенца. Так он обнял ее и, не помня себя, путаясь в мыслях от радости, нахлынувшей из самого сердца, ставшего уже отцовским, он горячо задышал ей в ухо и зашептал, как давно он ждал этого чуда... Ведь ему уже тридцать лет, и он так рад, он так любит ее, что даже перепугался и обомлел поначалу, что он теперь – отец!

Наверное, как и все мужчины, Пётр, хотел, чтобы у него родился сын, но в глубине души у него закралась мечта о дочке, похожей на Катю.

А Катя хотела мальчика, и чтобы похож был на отца, такой же умница, красивый и продолжил бы фамильный род. Пётр хоть и вырос в сибирской глубинке, но был интеллигентный от природы – никогда не ругался матом, как это бывает у железнодорожников, и никогда не повышал голоса на подчинённых. Его и без того все слушались и даже поба-

ивались.

Пётр позвонил маме и сказал: «Как родится малыш, непременно приезжайте». Мама с радостью пообещала обязательно приехать с его младшей сестрой. Средняя была уже замужем.

Беременность Катя переносила хорошо. Лицо у неё не портилось, как часто бывает у беременных. Ела свежие молочные продукты, пила витамины с кальцием. Она стала женственней и даже похорошела.

Был месяц май. Природа давно пробудилась от зимней спячки. Жёлтые одуванчики цвели ковром, зацвела сирень в палисадниках, а возле здания горисполкома красовались разноцветные головки тюльпанов.

Потому ли что Катя сама была медик, или сыграли роль гены, но родила она легко. Ночью забрала ее скорая помощь, утром – родила здоровую девочку с нормальным весом, ростом и длинными волосами.

Одни родственники улыбались – «родилась в мае, будет всю жизнь маяться». Другие – «похожа на отца, значит, будет счастливая». Пётр Васильевич никого не слушал, да и не слышал, он знал, что сделает все, чтобы его дочка была счастлива, и был благодарен Кате.

Принеся ребёнка из роддома, Пётр Васильевич впервые забыл про поезда, вагоны, локомотивы. С интересом и удивлением рассматривал он крохотные пальчики, ноготки и видел, дочурка похожа на него: белокурые кудряшки, боль-

шие голубые глаза, пальцы рук. У него были красивые руки с длинными пальцами.

Девочку назвали Танюшкой. На крестины собралось много народу в доме у родителей Кати. Серёгу Пётр не стал брать в крестные отцы. Они все больше отдалялись друг от друга. Конечно, Пётр мог его продвинуть по службе, но не видел в Серёге ответственного работника, хорошего организатора и знал, что иногда тот приходит на дежурство с похмелья.

В роддоме Пётр познакомился с врачом – гинекологом Николаем Ивановичем. Одноклассник Кати, он не принимал у неё роды, но каждый день заходил к ней в палату и показывал дочку Петру. Мужчины подружились, и Николая взяли в крестные отцы.

На крестины Танюшке подарили много детской одежды, денег. Петру Васильевичу коллеги достали золотую цепочку и крестик для дочки.

Мать Петра с сестрёнкой Соней привезли варенье, пуховую шапочку и носочки Танюшке. Тётя Нюра передала пузырёк шампуня. Зайдя в квартиру, мать и сестра обомлели: такой красоты они еще не видели. На стенах – ковры, мебель полированная орехового цвета, хрустальная посуда и люстра под потолком.

Каждый вечер Соня и мать купались в ванной, рассматривая разные названия шампуней. Когда Катя стирала или готовила, бабушка с Соней прогуливались с коляской по незнакомым городским улицам, где стояли многоэтажные дома

железнодорожников. Люди здоровались с ними, расспрашивали о дочке Петра Васильевича, и мать гордилась сыном. Побывли в гостях у них мать с дочерью недолго, не хотели мешать. Они ехали посмотреть, как живёт сын, и помочь на первых порах с малышкой. Но Катя ловко управлялась с дочкой.

Проводить сватов приехали Катины родители. Приготовили много продуктов в дорогу, а Катя собрала узелок с гостинцами: пуховый платок для свекрови, кофточку для Сони, три пузырька шампуня и пахучее туалетное мыло. Пётр Васильевич завернул в старую простыню белый тулуп, который ему выдали на работе. Мама заплакала. Никто в жизни не дарил ей столько и таких подарков. И видя, как все хорошо у сына, она скорее хотела уехать домой, в свою низенькую хатку, чтобы рассказать все соседям. К себе она сватов не приглашала – даже сына. Что она может им предложить: печка, колодец с водой, да корыто.

И только проводив мать и вернувшись домой, Пётр вспомнил, что забыл подарить матери белые бурки, о чём мечтал ещё в детстве.

После окончания декретного отпуска Кати Танюшку отдали в детский сад. Катя снова стала работать в поликлинике. Детский сад рядом с их домом, считается самым лучшим в городе. Пётр уходил на работу рано утром и приходил поздно вечером, и только иногда мог попасть на утренники в детсад к дочери. У Танюшки было самое красивое платье,

колоском заплетены волосы, а на висках – светлые кудряшки. И с возрастом самые длинные стихи, роли Белоснежки, Снегурочки – все доставалось ей. Ее красотой любовались и воспитатели, и родители. Когда Катя рассказывала об этом по телефону отцу, тот говорил: «Бабушка наказывала приколоть булавку внучке, а то сглазят, люди разные, даже если и не желают зла – оно само привяжется. Зависть – это тебе не родная мамка». Но Катя хоть и слушалась советов матери, но повторяла: «Как же я ей булавку приколю, пап, чтобы укололась?»

На день железнодорожника профсоюзный комитет организовал прогулку по Дону. Пётр Васильевич с женой и дочкой тоже поплыли на катере. Катер большой. Пассажиров много. Пели песни, танцевали, участвовали в конкурсах. Катя чувствовала, каким уважением пользуется ее муж, диспетчера старались ему угодить. На обратном пути внезапно налетел ветер. Пошёл сильный дождь. Пётр Васильевич снял рубашку, чтобы укрыть дочку. Все заметили, что девочка очень красивая и как две капли воды похожа на отца.

Таня родилась, когда Петру Васильевич было уже за тридцать. Она для него была подарком судьбы. Таня была беспроblemным ребёнком. Ее воспитанием, конечно, занималась Катя, Пётр Васильевич сутками пропадал на работе. Но вечерами он не спускал ее с рук, с ней отдыхал, часто купал и укладывал спать. Рассказывая ей сказки, засыпал с ней в обнимку, как бы защищая малышку от будущих бед. Он

очень любил свою дочку.

Общительная, доброжелательная, Таня легко потом нашла общий язык с одноклассниками. Когда дочке исполнилось восемь лет, Катя отвела ее на прослушивание в музыкальную школу. Музыкай надо заниматься час-два ежедневно. Так в квартире появился музыкальный инструмент.

Нелегко было учиться в двух школах, быть отличницей и старостой класса. Поначалу Таня уставала, не высыпалась и одно время даже хотела бросить музыкальную школу. Но со временем втянулась и замолчала.

Однажды Пётр Васильевич возвращался с работы. Таня шла из музыкалки не одна, с мальчиком. Шли не спеша, о чём-то увлечённо говорили, возле дома остановились. Таня не торопилась идти в подъезд. Пётр Васильевич, зайдя домой, сказал жене: «Полюбуйся в окно, не рано ли ухажёры стали провожать нашу Таню?» Но когда дочь вошла в комнату, оба сделали вид, что ничего не видели. Таня весело рассказывала про новую песенку, которую выучила в музыкалке.

Катя выписала бесплатный железнодорожный билет и поехала в Москву. Накупила дочери красивых вещей: кофточки, платья, обувь, колготки цветные, каких еще ни у кого не было, и даже духи польские. Правда, за всем этим пришлось выстоять громадные очереди.

Таня сначала радовалась модным нарядам, а потом сказала: «В школу я это носить не буду, потому что ни у кого

нет такой одежды, а в музыкальную – надену». Она выделялась своей красивой внешностью, фигурой, походкой. Ее любили учителя и подруги, она гордо держала голову, но никогда не заносилась. Со школы девчонки, как всегда, возвращались вместе, из музыкалки Таню всегда сопровождал до подъезда Сашка.

Выпускной у них в восьмом классе совпал с выпускным в музыкальной школе. Таня спросила родителей: «Можно девочкам собраться у нас в квартире, ведь не все идут дальше учиться в девятый класс? А можно прийти Саше?» – Дочь никогда не огорчала родителей. Они не отказали ей.

Сашка учился в другой школе, и был Танин ровесник. Он пришёл к ним с гитарой в чехле и Екатерине Ивановне протянул букет цветов. По характеру Саша был скромненький, немногословен, но в присутствии Тани оживал: хорошо играл на гитаре и пел модные песни. Уже в пятом классе сочинил свою первую песню. Танины подружки зачарованно смотрели на него.

Пётр Васильевич сразу увидел, каким влюблённым взглядом этот мальчишка смотрит на его дочь. И в нем – или ревность проявилась отцовская, или еще какой-то инстинкт сработал, но Пётр Васильевич, сам не зная почему, сразу невзлюбил Сашку. А Екатерине Ивановне понравился этот искренний, милый мальчик.

Саша Корнилов рос в интеллигентной семье. Мать его работала в горсобесе, начисляла пенсии, а отец преподавал ис-

торию и обществоведение в железнодорожном училище. Саша окончил восемь классов с отличием. Без экзаменов поступил в училище, где работал отец. Учиться на машиниста локомотива надо было два года. Придя в училище, он организовал вокально-инструментальный ансамбль «Придонье». Первое выступление ансамбля было на Новогоднем вечере. Таня была приглашена. Саша пел и играл.

Ему аплодировали, даже кричали «браво». А потом он пел дуэтом на английском языке с учащейся первого курса Женькой. Саша стал звездой вечера. Одет – чёрный новый костюм, розовая рубашка с галстуком, лакированные туфли. Темные волосы зачёсаны набок. Все это делало его очень эффектным.

Таня видела, как на него смотрят девчонки, и в тайне гордилась, что Саша – ее парень. Когда они танцевали, она чувствовала его волнение, и он сказал ей: «Пойдём, я покажу тебе нашу музыкальную комнату, где проходят репетиции». Под потолком висел блестящий глобус. Его сделал Саша с ребятами для дискотеки. Они были вдвоём, и Таня спросила: «А кто эта девушка, что пела с тобой?»

– «Глупышка! – просиял Сашка от счастья. Я люблю тебя, и этот блестящий глобус – свидетель». Они впервые поцеловались.

После этого вечера стали встречаться чаще, а когда родителям его установили телефон, болтали часами.

Ансамбль «Придонье» приобретал все большую извест-

ность. По решению райкома комсомола, в уборочную страду его участники поплыли на катере по Дону, выступали с концертами в сельских клубах, на полях и на фермах. Женька была среди ребят. Саша очень хотел, чтобы Таня была с ним, и даже просил разрешения у Таниных родителей. Но Пётр Васильевич даже возмутился: «Как хватило наглости предложить такое?»

Таня закончила девятый класс. Наступили каникулы, но настроения не было. Сашки не будет целый месяц, а рядом с ним – Женька... Это не давало ей покоя. Погода стояла тёплая, вода в реке прогрелась, и они с девчонками бегали на ручеёк купаться. Таня глядела на воду, а думала о Сашке, о пароходе, о песнях и ее задевало, что рядом с ним Женька. Она отгоняла эти мысли, но они неотвязно лезли в голову. Вечерами с девчонками ходили гулять в парк. Катались на карусели, прохаживались по «Бродвею». После дневного зноя молодёжи в парке много. Все нарядные, и друг друга многие знают в лицо. Когда темнело, покупали билеты на открытую танцплощадку. Однажды заиграли мелодию «Червона рута», к Тане сзади подошёл парень, положил ей руку на плечо – «Можно вас пригласить?» Она развернулась и закричала: «Сашка! – повисла у него на шее. – Как ты здесь оказался?»

«А мы сегодня приплыли. Я позвонил тебе домой, и твоя мама сказала, где тебя найти».

Сашка очень загорел и похудел. Его черные волосы тоже

выгорели на солнце.

Попрощавшись с девчонками, они ушли вдвоём. Остаток каникул встречались каждый день, а расставшись у ее дома, Таня бежала на балкон, махала Саше рукой, пока тот совсем не скроется в темноте. До своего дома он шёл минут пятнадцать и потом обязательно звонил ей, желал спокойной ночи. Катя видела, что детская дружба ее дочери с этим парнем давно переросла в любовь. Но Пётр Васильевич упорно держался своего мнения – «Сашка их дочери – не пара».

Еще в девятом классе Зимины решили, что Таня будет поступать по направлению в Московский железнодорожный институт. Но в десятом остановились на медицинском институте. Десятый класс выдался сложным. Таня ходила к репетиторам заниматься химией и биологией. Ездил в выходные дни в институт на подготовительное отделение. Совсем не оставалось времени для свиданий с Сашей. Они так скучали друг по другу, что он сопровождал ее в электричках до Воронежа. Два часа туда, два обратно, они не могли поговориться.

На выпускной вечер Тане сшили белое платье, сделали причёску в парикмахерской, родители подарили золотые часы, а Саша – перстенёк. Наряднее ее никто не выглядел. Много было девчонок в красивых платьях, с причёсками, но с Таней сравниться не мог никто. До школы идти было недалеко. И Таня, немного стесняясь, счастливая, пошла за руку с Сашкой. Об их отношениях знала вся школа.

В их сторону смотрели, кивали, улыбались. Таня чувствовала себя королевой. От родителей с напутственным словом к выпускникам выступал Пётр Васильевич. И его, человека, который отчитывался каждый день перед большим начальством, проводил селекторные совещания, выступал с высоких трибун на партийных, профсоюзных собраниях, – здесь, перед юными девчонками и парнями, охватило волнение. В конце выступления, поблагодарив учителей, Пётр Васильевич отвесил им низкий, родительский поклон...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.